

Доклады на семинаре
«Россия-Япония: от вдохновения к взаимопониманию»* (2)

Национальное и общечеловеческое в русской и японской
литературах

Валерий Частных

В произведениях художественной литературы, независимо от того, в какой стране и на каком языке они написаны, затрагиваются общечеловеческие темы, понятные читателям, принадлежащим различным культурам. В то же время проявление черт национальной культуры и обусловленного ей мировосприятия характеризуют любое художественное произведение, особенно если речь идёт о таких ярких и самобытных литературах, как японская и русская.

Проявление особенностей национально-культурного сознания при изображении общечеловеческих ситуаций представляет большой интерес как для литературоведов, так и для антропологов, а также специалистов по межкультурной коммуникации. Интересно с этой точки зрения рассмотреть рассказы «Носовой платок» Акутагава Рюноске и «Архиерей» Антона Павловича Чехова.

Рассказ «Носовой платок», написанный в 1916 году, входит во многие собрания произведений классической японской литературы, в том числе в знаменитый сборник художественных и документальных произведений о японской ментальности «Мир по-японски» как наиболее яркий образец японского национально – культурного сознания. К профессору токийского университета приходит мать одного из его учеников, которого профессор недавно навещал в больнице. Во время разговора выясняется, что студент умер в больнице от воспаления брюшины, а мать пришла к учителю сына с визитом вежливости. Расстроенного этим неожиданным известием профессора удивляют сдержанность и спокойствие матери, совсем недавно потерявшей сына. Однако, нагнувшись за упавшим веером, профессор видит сложенные на коленях руки

---

* Международный семинар «Россия-Япония: от вдохновения к взаимопониманию» состоялся 24 и 25 сентября 2019 года в Токийском университете международных исследований.

гости, которые с силой сжимают, почти разрывают носовой платок: «Дама лицом улыбалась, на самом же деле всем существом своим рыдала».

Рассказ «Архиерей» был напечатан в «Журнале для всех» в 1902 году и, хотя не был замечен критикой, вызвал восхищённую реакцию И.А. Бунина, который относил его к лучшим произведениям Чехова, и высокую оценку Л.Н.Толстого. В наше время рассказ «Архиерей» считается одним из лучших образцов малой прозы русской литературы. В нём описывается последняя неделя жизни епископа Петра, умирающего от брюшного тифа. Последние дни жизни священника приходятся на Святую неделю, когда все кругом готовятся к Пасхе – празднику воскрешения и вечной жизни. Умирает преосвященный Пётр на руках у матери, которая приехала навестить его после девятилетней разлуки.

Оба рассказа заслуживают включения в антологии русской и японской литератур в качестве образцов, передающих национальный колорит и особенности национально – культурного сознания. В то же время они перекликаются между собой на самых разных уровнях анализа.

Удивительно композиционное сходство рассказов: и «Архиерей», и «Носовой платок» бессюжетны. Но если для А.П.Чехова отсутствие сюжета - один из главных художественных принципов (известно его высказывание о том, что «в жизни нет сюжетов»), то для творчества Акутагавы, почитателя и последователя Ф.М.Достоевского, это не так характерно. Отсутствие сюжетного развития, на котором обычно держится читательский интерес, компенсируется мастерством и тщательностью выписывания деталей, благодаря чему создаётся эффект присутствия и сопереживания. В «Архиерее» подробно описываются дни последней недели жизни священника, красота и торжественность предпасхальных служб, значительность приобретают даже незначительные поступки и реплики как главных, так и второстепенных героев, а в «Носовом платке» - действия и мысли профессора-юриста, размышляющего над вопросами морали и нравственности японского общества. Именно детали создают настроение и повествовательное напряжение.

Так, в рассказе «Архиерей» состояние тяжело заболевшего священника передаётся на фоне описания просыпающейся весенней природы. Человек умирает, когда всё в природе просыпается, рождается. Это сопоставление или, вернее, противопоставление создаёт настроение тоски, уныния, рождает желание устранить существующую

дисгармонию и одновременно понимание невозможности что-то изменить. *«В четверг служил он обедню в соборе, было омовение ног. Когда в церкви кончилась служба и народ расходился по домам, то было солнечно, тепло, весело, шумела в канавах вода, а за городом доносилось с полей непрерывное пение жаворонков, нежное, призывающее к покою. Деревья уже проснулись и улыбались приветливо, и над ними, бог знает куда, уходило бездонное, необъятное голубое небо. Приехав домой, преосвященный Петр напился чаю, потом переоделся, лег в постель и приказал келейнику закрыть ставни на окнах. В спальне стало сумрачно. Однако какая усталость, какая боль в ногах и спине, тяжелая, холодная боль, какой шум в ушах».*

В рассказе «Носовой платок» повествовательная интрига поддерживается виртуозным описанием внешности Нисияма Токуко, гостьи профессора, матери умершего студента. Эффект усиливается благодаря контрасту этого описания с лаконичным, скупым на красочные средства стилем всего рассказа: *«Гостья была одета в легкое кимоно лиловато-стального цвета, настолько изысканное, что профессор даже не мог его оценить; и там, где хаори из черного шелкового газа, слегка прикрывавшее грудь, расходилось, виднелась нефритовая застежка на поясе в форме водяного ореха. Что волосы у гостьи уложены в прическу «марумагэ» – это даже профессор, обычно не обращавший внимания на подобные мелочи, сразу заметил».*

Но, прежде всего, рассказы Чехова и Акутагавы перекликаются тематически. Одной из главных тем обоих произведений является изображение поведения человека в различных, особенно экстремальных, ситуациях и его оценка, в основе которой лежат национально-культурные представления. И у Чехова, и у Акутагавы в центре повествования мать, потерявшая или теряющая сына. Если попробовать изобразить при помощи диаграммы, как развивается в рассказах тема проявления материнского чувства, то сначала это будут две параллельные линии. Потом одна из линий, обозначающая поведение Марии Тимофеевны, уйдёт вверх, а вторая останется прямой.

В начале повествования обе матери сдерживают свои чувства. Мария Тимофеевна не видела своего сына 9 лет и, конечно, радуется встрече после долгой разлуки. Но внешне она ведёт себя сдержанно, стесняется, видя перед собой скорее архиерея, чем сына. *«И несмотря на ласковость, с какою она говорила это, было заметно, что она стеснялась, как будто не знала, говорить ли ему «ты» или «вы», смеяться или нет, и*

как будто чувствовала себя больше дьяконницей, чем матерью». Священника неприятно удивляет такое поведение матери, которую он очень любит. Детские воспоминания о ней вместе с глубоким религиозным чувством – самое радостное, что возникает в душе тяжело больного человека. Таким образом, сдержанность матери в проявлении чувств к сыну в русской системе нравственных и поведенческих ценностей нельзя назвать характерной чертой.

Госпожа Нисияма тоже сдержана, хотя только что похоронила сына. Её сдержанность даже удивляет профессора Хасэгава, хотя он, сторонник традиционного японского воспитания бусидо, не одобряет бурного проявления чувств, не очень доверяя эмоциональности европейцев: *«На Западе его, японца, приверженца бусидо, постоянно поражала непривычная для его восприятия импульсивность европейцев в выражении чувств. Смешанное чувство недоверия и симпатии, которое он в таких случаях испытывал, он до сих пор не мог забыть, даже если бы хотел. А теперь профессор сам удивлялся тому, что дама не плачет»*. Тем не менее сдержанность женщины в проявлении чувств становится предметом гордости для профессора, когда он видит, каких усилий стоит ей это видимое спокойствие, ведь в японской системе нравственных ценностей это несомненное достоинство:

«Он заметил, что она, вероятно, сясь подавить волнение, обеими руками изо всех сил комкает платок, так что он чуть не рвется. И, наконец, он заметил, что в тонких пальцах вышитые концы смятого шелкового платочка подрагивают, словно от дуновения ветерка. Дама лицом улыбалась, на самом же деле всем существом своим рыдала». Госпожа Нисияма выдерживает свою роль до конца разговора, хотя, очевидно, понимает, что собеседник мог заметить её тщательно скрываемое волнение: *«– Даже я, не имея детей, хорошо понимаю, как вам тяжело, – сказал профессор тихим, прочувствованным голосом, несколько напряженно запрокинув голову, как будто он смотрел на что-то ослепляющее»*.

– Благодарю вас. Но теперь, как бы там ни было, это непоправимо.

Дама слегка наклонила голову. Ясное лицо было по-прежнему озарено спокойной улыбкой».

Случившаяся беда меняет поведение героини чеховского рассказа Марии Тимофеевны, матери преосвященного Петра. Вся её сдержанность пропадает, она не может, не считает нужным сдерживаться, видя, как плохо её сыну: *«Пришла старуха*

мать. Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени перед кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что он худее, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного. — Павлуша, голубчик, — заговорила она, — родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!»

Поведение матери в рассказе «Архиерей» соответствует этическим представлениям русских читателей, так же, как поведение героини рассказа Акутагавы соответствует представлениям японцев. Внешне противоположное поведение двух матерей тем не менее понятно читателям, представляющим разные типы национально-культурного сознания, и не может не вызвать их сочувствия. Так общечеловеческое и национальное переплетается и становится понятным благодаря объединяющему языку художественной прозы.

Но рассказы «Архиерей» и «Носовой платок» объединяет не только тематическое сходство. Оба автора одинаково воспринимают жизнь как сложное явление, которое не умещается ни в какие придуманные человеком схемы. В рассказе Акутагавы профессор, поражённый героическим поведением матери умершего ученика, спешит выстроить схему культурного объединения Запада и Востока на основе кодекса бусидо. Но вдруг его взгляд совершенно случайно падает на строчки открытой книги европейского театрального критика: *«В пору моей молодости много говорили о носовом платке госпожи Хайберг, кажется парижанки. Это был прием двойной игры, заключавшейся в том, что, улыбаясь лицом, руками она рвала платок. Теперь мы называем это дурным вкусом...»* Случайность, которая является жизненной закономерностью, вмиг разрушает искусственное построение довольного собой профессора. Интересно, как тонко готовит это завершение рассказа автор, заранее настраивая читателя на неожиданный поворот в повествовании. Используя приём контрастного изображения, Акутагава описывает действия господина Хасэгава практически сразу после того, как ушла гостя, поразившая профессора силой своего духа: *«Прошло два часа. Профессор принял ванну, поужинал, затем поел вишен и опять удобно уселся в плетеное кресло на веранде»*. Перечисление деталей удобного быта профессора стилистически противопоставлено предыдущему абзацу, в котором

говорится о поведении матери студента: *«Дама слегка наклонила голову. Ясное лицо было по-прежнему озарено спокойной улыбкой».*

У А.П.Чехова трагедия одного человека и его близких поглощается, размывается спокойным равнодушием продолжающейся жизни: *«А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей; гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило. На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса. На главной улице после полудня началось катанье на рысаках, — одним словом, было весело, всё благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем. Через месяц был назначен новый викарный архиерей, а о преосвященном Петре уже никто не вспоминал».* В концовке рассказа Чехов так же использует приём противопоставления, при помощи усилительной частицы «и только» вводя мотив робкого сопротивления человеческой памяти и материнской любви в общую мелодию жизненного безразличия и забвения: *«И только старуха, мать покойного, которая живет теперь у зятя-дьякона, в глухом уездном городишке, когда выходила под вечер, чтобы встретить свою корову, и сходилась на выгоне с другими женищинами, то начинала рассказывать о детях, о внуках, о том, что у нее был сын архиерей, и при этом говорила робко, боясь, что ей не поверят... И ей в самом деле не все верили».*